

Кудьтура. - 2002. - 10-16 янв. - с. 14

Прогулки по набережной Леты

XIX век. Коллекция М.Я.Виллие

Михаил Яковлевич Виллие был аристократом по рождению, военным по образованию, художником по призванию. Прожив двадцать лет — с 1865 до 1885 года — за границей (большей частью в Париже), он вернулся к себе в Ярославскую губернию, где и погрузился в обожаемые им этнографию, археологию и рисование памятников древнерусской архитектуры. Собственно, отчасти благодаря этому увлечению он и вошел в историю русского искусства, создав по заказу императора альбом зарисовок русских орнаментов и утвари. Альбом, названный "Образцы декоративного и прикладного искусства из императорских дворцов и церквей", был выполнен с академическим тщанием и как нельзя лучше отвечал увлечению Серебряного века стариной и фольклором.

Но вот ирония судьбы. Зарисовки орнаментов и акварели Виллие (за которые он получил звание академика), где обыкновенно лунный свет льется выразительно на не менее выразительные развалины, остались интересны лишь историкам искусства. А фотографии, которые он покупал во время путешествий по Европе в качестве подсобного рабочего материала, сегодня привлекают в Музей личных коллекций немало зрителей. Акварели Михаила Яковлевича выставлялись на российских академических выставках. А фотографии тихо лежали в папках, откуда так же тихо переключались в Российский государственный архив литературы и искусства.

Притягательность этих старых альбуминовых отпечатков, технику получения которых знают только дотошные любители контактной пе-

чати, не объяснить тем, что перед нами свидетельства времени. Ну какие уж особенные свидетельства времени в фотографиях дворишек полуразрушенных итальянских домов, венецианских палаццо или бретонских крестьян? Если уж честно, то гораздо больше это свидетельства влияния живописи на фотографию. Монастырские дворики, увитые виноградом, готические развалины старых замков и пейзажи с наклоненной над дорогой сосной, крылатые мельницы отсылают к романтическим картинам гораздо энергичнее, чем к истории социальной или политической.

Есть, правда, еще и история повседневная, незаметная. Удивляющая, допустим, не "Свободой на баррикадах", а формой чепца на голове бретонской крестьянки, ну точь-в-точь как на средневековых картинах. Даром что на дворе, тьфу, на фотографиях, — XIX век. Впрочем, бретонские крестьяне были не меньшей экзотикой для парижских художников, чем ярославские или вологодские для петербургских академистов и студентов-народников. С тех пор как в 1857-м Жан Франсуа Милле нарисовал своих знаменитых "Сборщиц колосьев", решил посмотреть не только на природу, но и на крестьянскую жизнь свежим взглядом, в живописи произошла целая революция. Поэтому объектами интереса фотографов сделались и деревенская девочка, держащая в одной руке петуха, предназначенного на обед, а другой поддерживающая кувшин на голове, и интерьер бретонского дома, и крестьянская чета с лопатами у края вспаханного ими огромного поля, и полоскание белья, и двор с рабочим инструментом.

Даже те снимки, в которых мы готовы увидеть сегодня прежде всего

Образы "старой доброй Европы" из коллекции М.Виллие

роскошное свидетельство времени — как, например, в фотографии "Писец с девочкой", рассматривались как замечательный жанровый сюжет. Девушка, почти ребенок, присела к столу уличного писца, объявление которого гласило, что он пишет и на французском. Писец не ме-

нее колоритен. Его черная шляпа-цилиндр почему-то испачкана белым, гусиное перо — в руке, другое — за ухом... Над столом — громадный черный зонтик, не без дырок, который призван равно спастись от ливня и жары. Сюжет так выразителен, что возникает чувство, будто его орга-

низовывали долго и старательно. Ведь другие городские сценки — с сохнувшим бельем, с торговцами на площади, которые претендуют лишь на скромную роль антуража, — избегают такого крупного плана.

Нет, щемящее чувство сродни тревоге возникает, как ни странно, вовсе не при взгляде на те фото, что призваны быть свидетельствами времени. Оно возникает, когда рассматриваешь спокойный речной пейзаж (р. Мез) с маленькими фигурками трех рыбаков или фотографию башни, снятой в просвете узкой улочки... Оно становится отчетливым, когда видишь в меру романтический снимок "архитектурного мотива". Мотив прост — провал исчезнувшей (или наставительности) украшенной каменной розеткой и увитое сверху плющом и диким виноградом. Над дверью — цифры "1699". Метафору безошибочно прочтет и неграмотный. На фото вопреки цифирям не время, а его исчезновение. Аннигиляция его в черном провале, который был когда-то входом в жилище.

Собственно, таких "архитектурных мотивов" в живописи пруд пруди. Но в живописи они обретают, как бы это точнее выразиться, отстраненность (или наставительность) философского размышления. Дескать,emento mori и все такое. В фотографии наставительность не исчезает, конечно, но на первый план невольно выплывает фигура оригинала-фотографа, таскающего за собой громоздкий ящик камеры, и набор стеклянных пластинок, и все прочие фоторадости той эпохи по пересеченной местности в поисках архитектурного мотива. И вот он доходит до цели, радуется, устанавливает 20-минутную выдержку и снимает. Так радуется, что забывает представить, что столетие спустя

цифры "1880" будут выглядеть все равно что найденные им "1699", а его потемневший за столетие альбуминовый отпечаток будет казаться еще одной темной аркой перед зияющим входом с плющом. Оригинал-фотографа давно нет, он уже там, за дверью в это романтическое жилище. Его нет, а на его месте — я, зритель, ежусь от холода, что тянет из каменного проема, а еще больше от мысли, что, будь туристом, непременно бы щелкнул этот же "архитектурный мотив". Потому как живописно. И знакомым показать можно.

И тут вдруг становится понятно, что цепляет в этих старых фотографиях. Не отличия (их предостаточно) от современных снимков, а как раз сходство с ними. Толпы туристов, гуляющих по замкам Луары, по австрийским городкам, по Парижу и Венеции, честно гордятся законной добычей — километрами пленки с увитыми плющом древностями, с улочками, в просвете которых будет бледнеть храм; живописными мостиками; рыбными базарами на бережках... И рыбаки, и торговцы, и фотографирующие их покупатели тусуются на набережной речки под названием Лета. Все об этом, в общем, знают. Просто фокус в том, что сегодня эти снимки должны символизировать радость жизни и успешность ее. Век назад такая мысль, кажется, никому не приходила в голову. Наивная серьезность (и честная трудоемкость) альбуминовых снимков возвращает нас не только к образам "старой доброй Европы", но и к временам, когда вечные истины еще не казались трюизмами, пригодными разве что для игры.

Жанна ВАСИЛЬЕВА